

Трое отправились в клуб, который съемочная группа заранее забронировала для встречи. Линь Цюн, сидя в машине, достал телефон и начал кому-то писать.

«Я вернусь сегодня вечером или завтра утром.»

Фу Синъюнь: ?

Линь Цюн любезно уточнил:

«Сегодня глубокой ночью или завтра на рассвете.»

«И?»

Линь Цюн:

«Если ночью кто-то откроет дверь, пожалуйста, не переживай.»

«Не переживать?»

«Это буду я, а не вор.»

Фу Синъюнь посмотрел на сообщение и равнодушно ответил:

«Угу.»

Линь Цюн, полностью вжившись в роль влюбленного романтика, написал:

«Почему ты совсем не проявляешь заботы? Мы уже так давно не виделись.»

Глядя на всплывшее сообщение, мужчина на секунду замер. Эти слова будто прозвучали прямо у него в ушах — с нотками капризной игривости.

Он поднял взгляд на календарь, отмеченный несколькими красными кружками.

Фу Синъюнь:

«Три дня?»

Линь Цюн поправил:

«Десять лет.»

«?»

«Один день разлуки словно куча лет. Моя тоска по тебе измеряется годами.»

Фу Синъюнь:

«Гений математики?»

Линь Цюн скромно ответил:

«Без лести.»

Но возвращаться глубокой ночью всё же небезопасно. Фу Синъюнь, глядя на переписку,

проявил несвойственную ему заботу.

«Можешь вернуться завтра.»

Линь Цюн:

«На рассвете?»

Фу Синъюнь:

«Днём.»

Отправив сообщение, мужчина слегка сжал губы, чувствуя неловкость. Пальцы замерли над клавиатурой.

На экране тут же появилось новое сообщение:

«Я считаю дни по пальцам, а ты просишь меня вернуться позже».

Фу Синъюнь: ?

«Значит, ты совсем по мне не скучаешь».

Линь Цюн:

«Всё наше прошлое и бывшие нежности — напрасная трата времени».

Глядя на этот поток самобичевания, Фу Синъюнь едва заметно дёрнул бровью.

Пока Линь Цюн собирался выдать ещё что-нибудь потрясающее до глубины души, Фу Синъюнь опередил его:

«Ночью на улице небезопасно».

Линь Цюн:

«Значит, волнуешься».

Фу Синъюнь, сам не понимая почему, ответил:

«Угу».

Линь Цюн самодовольно закинул голову:

«Хоть совесть у тебя есть».

Фу Синъюнь: .....

Его почему-то совсем не раздражали эти внезапные выходки — дерзкие и бесцеремонные.

Затем он взял ручку и подкорректировал пометки на календаре.

По дороге в клуб Линь Цюн переписывался с Фу Синъюнем, болтая о том, о сём.

«Закончил на работе?»

Линь Цюнь:

«Закончил».

«Тогда чем сейчас занимаешься?»

Линь Цюнь взглянул на клуб впереди:

«Работаю сверхурочно».

Всё-таки, если бы кто-то узнал, что он развлекается вместо того, чтобы идти домой, это наверняка попало бы в «Тетрадь смерти».

Затем Линь Цюнь быстро завершил разговор:

«Пошёл работать, до завтра, скучаю.»

По прибытии в клуб первым из машины выпрыгнул мускулистый фотограф, за ним последовали двое остальных.

Ван Чэн, увидев Линь Цюня с чуть растрёпанными от трения о спинку сиденья волосами, спросил:

— Чем это ты тут занят? Весь путь в телефон уткнулся.

Линь Цюнь привычно ответил:

— Сообщение домой отправил.

Ван Чэн тут же встревожился:

— Ты же не сказал, что мы пошли развлекаться?!

Линь Цюнь:

— Конечно же...

Ван Чэн: !!!

— ...нет.

Ван Чэн облегчённо выдохнул:

— Хорошо, что ты не идиот. Можно без этих дурацких пауз?!

Линь Цюнь скромно опустил голову:

— Всегда таким был.

«.....»

Убедившись, что мускулистый фотограф отошёл подальше, Ван Чэн оттащил его в сторону и строго прошептал:

— Ты теперь артист с определённым статусом. После выхода фильма будь особенно осторожен

в словах и поступках, понял?!

Линь Цюн кивнул.

Ван Чэн огляделся по сторонам:

— Особенно — никто не должен знать про твоего домашнего.

Линь Цюн не был дураком и прекрасно понимал, о чём речь. Он снова кивнул.

Ван Чэн:

— Если кто-то спросит — что скажешь?

Линь Цюн:

— В интернете нет моих бывших. А если и были — я не подтверждаю.

Ван Чэн одобрительно кивнул.

Линь Цюн задумался:

— Но я не буду строить образ холостяка.

Ван Чэн удивился:

— Без этого как ты собираешься привлекать фанатов?

Сейчас большинство фанатов приходят из-за внешности, неизбежно будут и те, кто мечтает стать девушкой артиста.

Линь Цюн твёрдо стоял на своём:

— Не хочу.

Видя его упрямство, Ван Чэн нехотя согласился — в конце концов, есть и те, кто ценит профессиональные достижения.

Главное, чтобы история со старым извращенцем не всплыла, а остальное — мелочи.

Линь Цюн редко бывал в таких развлекательных заведениях. Помимо восхищения роскошным интерьером, единственное, что он ощущал — оглушительный шум.

Шум был настолько невыносимым, что он уже пожалел о своём решении прийти и, свернувшись калачиком в углу, принялся уплетать фрукты с подноса.

Знать бы — лучше бы остался дома в джакузи...

Забившись в дальний угол, Линь Цюн походил на праздничную мышку, тайком жуящую свои запасы.

Недалеко от него клубилась толпа красивых парней и девушек, наполняя воздух оживлёнными голосами:

— Красавчик, у тебя есть девушка?

— Давай добавимся в WeChat!

— Этот такой вкусный...

— И этот тоже ничего...

Вернувшийся с танцпола Ван Чэн, увидев его, свернувшегося калачиком, спросил:

— Почему не идёшь танцевать?

Линь Цюн, неспешно пережёвывая еду, ответил:

— Не хочу.

Ван Чэн:

— Тогда какой смысл тебе вообще здесь находиться?

Линь Цюн в ответ просто поднял свой почти опустевший фруктовый поднос.

Ван Чэн:

— ..... Ну и ладно, лишь бы тебе было хорошо. Я ещё потанцую, когда вернусь — поедем обратно в город.

Линь Цюн вспомнил сообщение Фу Синъюня:

«Можно вернуться завтра днём.»

Ван Чэн кивнул:

— Тогда после клуба сразу в отель.

Линь Цюн сделал пальцами жест "окей".

Ещё немного спустя фрукты закончились, и он поднялся, раздумывая, не взять ли немного десертов.

Но внезапно его уши уловили перепалку:

— Что выёживаешься? Раз оделся так вызывающе — значит, сам напрашиваешься!

Линь Цюн повернул голову и увидел, что мускулистый фотограф яростно спорит с мужчиной лет тридцати с лишним.

У того было на редкость мерзкое выражение лица, и он смотрел на фотографа с презрительной усмешкой.

Фотограф, покраснев от ярости, сквозь зубы процедил:

— Не надо переходить границы.

Заметив, что на них смотрят окружающие, он понял, что привлекает слишком много внимания — учитывая специфику работы, скандал был ему ни к чему. Он развернулся, чтобы уйти, но оппонент не собирался отставать.

Тот даже попытался сунуть визитку ему за пояс.

Но едва его рука протянулась вперёд, как кто-то перехватил её на полпути.

Мужчина с недоумением уставился на Линь Цюна — тот с отвращением сжимал его руку. Нахмурившись, мужчина рявкнул:

— Чего уставился?

Линь Цюн невозмутимо ответил:

— На мусор смотрю.

«.....»

Мужчина резко дёрнул руку, высвобождаясь из захвата:

— Не твоё дело! Проваливай, не мешай мне.

Линь Цюн окинул его оценивающим взглядом:

— Ц-ц.

Мужчина будто наступил на хвост:

— Это ещё что за звуки?!

Линь Цюн спокойно пояснил:

— Хватит позориться.

Мужчина: ?

Линь Цюн:

— Ты уж давно «лицу»*. (*«начало осени», намёк на возраст)

Лицо мужчины побагровело от злости:

— Чёртов псих! Я с кем хочу, с тем и знакомлюсь — какое тебе дело?!

Линь Цюн скрестил руки на груди:

— А почему не должно быть?

— О-о, значит, герой нашёлся, рыцарь на белом коне, да?!

Линь Цюн оглянулся на мускулистого фотографа, явно не нуждавшегося в спасении, и скромно ответил:

— Ну, не совсем.

— Тогда зачем встрял?!

Линь Цюн:

— Из любви к искусству.

«.....»

Мужчина скривился:

— Важничаешь, как будто ты тут герой! Ты вообще кто такой?!

Линь Цюн:

— Лэй Фэн*. (*Культовый образец «идеального советского человека» в китайской пропаганде 1960-х, символ бескорыстной помощи)

«.....»

Раздражённый мужчина снова потянулся, пытаясь сунуть визитку, но молодой человек шагнул вперёд, прикрывая фотографа.

Мужчина с подозрением посмотрел то на него, то на фотографа:

— Вы что, знакомы?

Линь Цюн кивнул:

— Естественно.

— Кем ты ему приходишься?

Почему-то юноша замялся, затем с видом обречённости признал:

— Я... его дружок.

«.....»

— Ты, блядь, издеваешься?!

Мужчина занёс руку, собираясь ударить Линь Цюна по лицу, но не успел даже опустить её, как его запястье сжала железная хватка.

— Ты посмел ударить моего брата?!

Линь Цюн, наблюдавший внезапную трансформацию мускулистого фотографа: ?

Искривившись от боли, мужчина взвыл:

— Ударить?! Да я даже не успел до него дотронуться! Каким местом ты видел, что я его бью?!

Он попытался вырваться, но сила фотографа оказалась непреодолимой — казалось, руку вот-вот вырвет из сустава, а освободиться так и не удавалось.

С перекошенным от боли лицом мужчина не переставал ругаться:

— Да спроси у него самого, ударил я его или нет!

Фотограф вопросительно посмотрел на Линь Цюна.

Линь Цюнь:

— *Хнык*...

Мужчина: «.....»

— Да ты гребанный... — он не успел договорить, как его снова скрутили.

В следующий момент Линь Цюнь открылось поистине удивительное зрелище.

Мускулистый фотограф, слёзно рыдая, методично избивал обидчика.

Линь Цюнь: «.....»

Шедевр. Настоящий шедевр.

Разобравшись с мерзавцем, фотограф с сияющими глазами обратился к Линь Цюнь:

— Братец, спасибо тебе огромное, что помог прогнать этого извращенца!

Линь Цюнь бесстрастно махнул рукой:

— Нет-нет, это всецело твоя заслуга.

Фотограф:

— Но ведь это братец...

Линь Цюнь резко поднял ладонь:

— Скромность излишня.

«.....»

Линь Цюнь с недоумением посмотрел на него:

— Скажи, а почему ты сразу не дал ему отпор, когда он начал приставать?

Фотограф застенчиво перебирал край рубашки:

— Я... трусишка.

«.....»

Линь Цюнь молча осмотрел его рельефную мускулатуру и наконец произнёс:

— Знаешь что... Можешь смело быть посмелее.

Мускулистый фотограф:

— Правда?

Линь Цюнь похлопал его по мощному плечу:

— Ты должен верить в себя.

Фотограф растрогался:

— Ты такой добрый! Я всегда знал, что мы станем лучшими друзьями!

«.....»

Ранее увлечённый весельем, он не заметил, что Линь Цюн не присоединился к остальным. Теперь же, схватив его за руку, фотограф потащил его на танцпол.

Танцпол бурлил от восторженных криков и музыки.

Фотограф (взволнованно, глядя на часы):

— Сейчас будет кульминация! Давай сфоткаемся вместе!

Вокруг них толпа начала громкий обратный отсчёт, напоминая закипающую воду.

Под этот шум Линь Цюн нехотя сделал селфи.

Фотограф (довольно разглядывая фото):

— Оставлю на память. Выложу в соцсеть.

Линь Цюн, не придав этому значения, нашёл Ван Чэна, и они отправились в отель.

Полночь.

Для некоторых ночная жизнь только начиналась. Например, для Ли Ханьяна, который только что закончил ночную смену.

Вынужденный начинать с низов в семейной компании, он покинул офис лишь к полуночи.

Приняв душ и лёжа в кровати, он планировал немного поскроллить соцсети перед сном. Но то, что он увидел, мгновенно прогнало сон.

В ленте мелькнул пост с фотографией, на которой был... знакомый человек.

Подпись: «Мой любимый братик~»

Ли Ханьян (широко раскрыв глаза):

— Чёрт возьми, это же Линь Цюн?!

Взглянув на второго человека на фото, он узнал известного в их кругах гея.

Поздним вечером Фу Синъюнь получил сообщение:

Ли Ханьян:

«Ты дома?»

Фу Синъюнь (сухо):

«А что?»

Ли Ханьян (нерешительно):

«Эм... Ты один?»

Фу Синъюнь:

«Или полтора?»

«.....»

Ли Ханьян:

«А Линь Цюна нет дома?»

Фу Синъюнь:

«Уехал по работе.»

Пальцы Ли Ханьяна замелькали над клавиатурой:

«Он сам тебе так сказал?»

Фу Синъюнь нахмурился:

«В чём дело?»

«Да так...» — Ли Ханьян метался в поисках деликатной формулировки. — «Просто хочу посоветоваться насчёт одной ситуации.»

Фу Синъюнь (без колебаний):

«Какой ситуации?»

Решив, что переписка — слишком медленный способ, Ли Ханьян набрал номер:

— Понимаешь, у меня есть друг...

Он глубоко вдохнул:

— Его вторая половинка постоянно гуляет и не ночует дома. Возможно... возможно, изменяет. Как ты думаешь, стоит ли ему сказать?

Фу Синъюнь (сухо):

— Этот «друг» — ты?

— Конечно нет! — Ли Ханьян чуть не подпрыгнул. — Совсем другой человек! Друг!

Но намёк остался незамеченным.

Фу Синъюнь:

— Скажи прямо.

Ли Ханьян (нерешительно):

— Но это же грубо. А если заденет его самолюбие? К тому же они только сошлись, страсть ещё не остыла. Если я в лоб заявлю, сочтут за завистника...

Фу Синъюнь (ледяным тоном):

— Тогда намекни.

Ли Ханьян задумался:

— Синъюнь, у тебя луна яркая?

Фу Синъюнь мельком взглянул в окно на полную луну:

— Нормальная.

Ли Ханьян (глотаю):

— А... а окружение хорошо видно?

— Да.

Глубокий вдох:

— Тогда скажи... трава во дворе...

Фу Синъюнь (настороженно):

— Что с ней?

— Она... зелёная?

.....

Тишина в трубке была оглушительной.

Спустя долгие секунд раздался спокойный, но смертоносный голос:

— Ты же говорил, что это про друга?

Ли Ханьян (искренне):

— У меня, кроме тебя, вообще есть друзья?

Фу Синъюнь:

—.....

Затем Ли Ханьян переслал тот самый фотоснимок.

Лицо Фу Синъюня потемнело, когда он уставился на изображение на экране. Его глаза стали бездонными, как мёртвое озеро.

Фу Синъюнь:

— Когда это было?

Ли Ханьян неестественно прокашлялся:

— Эээ... Сегодня.

Суставы пальцев Фу Синъюня хрустнули. В голове пронеслось: «Работаю сверхурочно».

— Линь Цюн, ты действительно превзошёл себя.

Ли Ханьян вдруг осознал, что, возможно, поспешил с выводами:

— Может, Линь Цюн просто развлекался...

— Все мужики такие, главное — чтобы домой возвращался, разве нет?

.....

Ли Ханьян изо всех сил пытался утешить «затворника с разбитым сердцем»:

— Всё равно ваш брак по расчёту, без чувств, так что не расстраивайся...

Ту-ту-ту—

Не дожидаясь окончания фразы, Фу Синъюнь положил трубку.

Город Линь.

Линь Цюн дремал в микроавтобусе, смутно отвечая на редкие реплики Ван Чэна.

Когда они наконец добрались до отеля и припарковались, Ван Чэн заметил, что тот что-то прижимает к груди — довольно крупный предмет.

Он похлопал Линь Цюна по щеке:

— Линь Цюн, просыпайся, мы приехали.

Линь Цюн открыл глаза и мрачно пробормотал:

— Так по лицу не бьют...

.....

Выйдя из машины, Ван Чэн с любопытством уставился на предмет в его руках:

— Что это у тебя?

Вопрос словно встряхнул Линь Цюна. Он торжественно поднял предмет над головой, как в культовой сцене из «Короля Льва».

.....

Ван Чэн, разглядев, ахнул:

— Тыква?

Линь Цюн (поправляя):

— Манго.

Ван Чэн (изумлённо):

— Где ты взял такое огромное манго?!

Линь Цюн (гордо запрокинув голову):

— Естественно, купил!

Ван Чэн (растерянно):

— Где?! Я ничего не помню!

Ван Чэн (недоверчиво):

— Ты всю дорогу спал как убитый. Глаза не открыл — где уж там за фруктами сходить!

Линь Цюн (продолжая держать манго над головой):

— В клубе. Я попробовал из фруктовой тарелки — сладкое! Спросил у обслуживающего, можно ли купить. Оказалось, есть в наличии — вот и взял.

Бровь Ван Чэна дёрнулась:

— Зачем?! Мало тебе было?

Линь Цюн, всё ещё сонный, глуповато улыбнулся:

— Оно такое сладкое... Я подумал, Синъюню тоже понравится.

Ночной летний ветерок шевелил его чёрные волосы, а искренняя, немного наивная улыбка казалась яркой даже в темноте.

Ван Чэн (растерянно):

— Синъюнь?.. Твой друг?

Линь Цюн:

— Муж.

Брови Ван Чэна нахмурились сильнее:

— Ты этому старому изврац... то есть, зачем ему? У него же денег куры не клюют — каких деликатесов он только не пробовал!

Линь Цюн действительно задумался. Он не анализировал — просто почувствовал, что этот фрукт невероятно сладкий, словно мёд, и захотел поделиться.

Но Ван Чэн, кажется, прав — у Фу Синъюня наверняка был доступ к самым изысканным лакомствам.

Ван Чэн (сокрушённо):

— Да хватит тебе держать его над головой — сейчас разобьешь.

Линь Цюн:

— Не переживай, обслуживающий сказал — такие крупные манго хранятся неделю.

Ван Чэн (устало):

— Я про твою голову.

«.....»

Линь Цюн молча опустил манго. Действительно, оно оказалось довольно тяжёлым.

Вернувшись в номер, он собрался принять душ, как вдруг раздался стук в дверь.

На пороге стоял взволнованный Ван Чэн:

— Ты не видел мой блокнот? Нигде найти не могу!

Там были важные контакты из индустрии.

Линь Цюн пожал плечами, отступая:

— Заходи, поищи. Я пока в душ схожу.

Ван Чэн (не поднимая головы):

— Ладно, иди.

Он обыскивал комнату, когда услышал вибрацию телефона.

Не то чтобы он подсматривал — экран просто загорелся сам по себе.

(Сообщение от Фу Синъюня):

«Синъюнь: Где ты?»

Чёрт! Этот старый извращенец?!

Уже полночь, а он всё проверяет! Ван Чэн, держа телефон, заколебался, но решил не вмешиваться.

Как только он собрался положить устройство, раздался звонок.

Вибрация и рингтон заставили его дёрнуться. Ван Чэн попытался убрать палец, но случайно нажал на ответ.

— Блядь!! — не сдержался он.

На другом конце провода Фу Синъюнь нахмурился, услышав незнакомый мужской голос.

Ван Чэн в панике нажал «положить трубку».

Трёхсекундный звонок завершён...

Он нервно положил телефон, гадая, расслышал ли что-то адресат.

Из-за чувства вины Ван Чэн остался ждать, пока Линь Цюнь выйдет из душа.

Линь Цюнь (выходя):

— Нашёл блокнот?

Ван Чэн (неуверенно):

— Да... Эм...

— Что?

— Твой... муж звонил. Я случайно ответил.

Линь Цюнь (удивлённо):

— Так поздно?

Ван Чэн кивнул.

— Ты что-то сказал ему?

Ван Чэн (виновато):

— Ну... как бы да.

— И что именно?

— "Блядь..."

«.....»

Ван Чэн:

— Может, перезвонишь ему? Чтобы не было недопонимания.

Линь Цюнь подумал и согласился:

— Хорошо, я потом позвоню. А ты иди отдыхай.

Когда Ван Чэн ушёл, Линь Цюнь лёг на кровать и попытался перезвонить — но никто не ответил.

Он взглянул на время: уже поздно, наверное, спит. Не придав значения, Линь Цюнь отложил телефон.

На следующее утро они с Ван Чэном рано поднялись, готовясь вернуться в Линь.

Выйдя из отеля, они случайно столкнулись с мускулистым фотографом, который тоже собирался уезжать.

Фотограф:

— Братец, ты уже уезжаешь?

Линь Цюн кивнул:

— Угу.

Фотограф радостно заключил его в медвежьи объятия:

— Тогда до встречи в следующем месяце!

Линь Цюн, едва не задохнувшись, похлопал его по мускулистой руке:

— Помни — верь в себя... кх-кх...

Дорога обратно в Линь заняла не больше часа, и к девяти утра они уже были на месте.

Линь Цюн, неся огромное манго, распахнул дверь:

— Синъюнь! Я вернулся!

Но в гостиной никого не было.

Не переодеваясь, он поднялся на третий этаж и заглянул в кабинет.

Фу Синъюнь сидел за столом с книгой, его выражение лица было нечитаемым.

Линь Цюн, словно птенец, возвращающийся в гнездо, радостно подлетел к нему:

— Синъюнь, как я скучал! Без тебя каждый день казался годом!

Мужчина даже не взглянул на него, холодно буркнув:

— Угу.

Линь Цюн: ?

— Что-то случилось?

Фу Синъюнь (сжато):

— Нет.

Линь Цюн склонился перед ним:

— Точно-точно нет?

Фу Синъюнь:

— Нет.

— Ну ладно. — Линь Цюн развёл руками. — Ты книгу вверх ногами держишь.

.....

Хотя тот ничего не объяснял, Линь Цюн прекрасно чувствовал его настроение. Такое мрачное

лицо он видел только в день свадьбы, когда только chuanуе (chuanуе — популярный в китайских романах троп о попаданцах в другие миры/времена) оказался в этом мире.

Линь Цюнь (настойчиво):

— Что случилось-то?

Фу Синъюнь наконец посмотрел на него:

— Тебе нечего мне сказать?

Линь Цюнь удивился:

— Ты правда хочешь знать?

Мужчина кивнул, лицо темнее тучи.

И тогда Линь Цюнь, застенчиво опустив глаза, прошептал:

— Не виделась сто лет... Я скучал.

Фу Синъюнь глубоко вдохнул:

— Где ты был вчера вечером?

Линь Цюнь (внутренний монолог):

Если он узнает, что я гулял — всё пропало!

Вслух же он невозмутимо соврал:

— Работал сверхурочно.

Фу Синъюнь (холодно):

— Правда?

Линь Цюнь сглотнул, чувствуя вину:

— П-правда...

В следующий момент мужчина достал телефон:

— Тогда объясни это.

На экране красовалось фото — никто иной, как Линь Цюнь в обнимку с мускулистым фотографом.

Линь Цюнь:

!!!

Фу Синъюнь (с ледяной усмешкой):

— Меня — в неведении, а его — под одеяло, да?

<http://bllate.org/book/12640/1121111>